

Наследие

Поэт до последнего вздоха

Владимир Чурилин – яркая фигура в литературе Магнитки

Родился он 10 февраля 1955 года в деревне Цыганка Курской области. В 1957 году семья переехала в Магнитогорск.

После окончания средней школы служил в морской пехоте на Дальнем Востоке, затем учился в Магнитогорском горно-металлургическом институте. В начале 70-х сразу после прихода в литературное объединение имени Б. Ручьева начал публиковаться в местной прессе. Учился в Литературном институте имени А. М. Горького, но не окончил его. Через два года после смерти Владимира Чурилина вышли из печати сразу две поэтические книги. Усилиями его семьи и друзей в Магнитогорском Доме печати был издан 300-страничный том, куда вошли стихи и поэма «Память». А издательская группа «Алкион» выпустила в серии «Литература Магнитки. Избранное» книгу «Исповедь».

По своей поэтической сути Владимир Чурилин был глубоко лирическим поэтом, близким по духу Павлу Васильеву. Своими литературными наставниками он считал Бориса Ручьева и Нину Кондрат-

ковскую. Его стихи всегда были крепкими по стилю и технически совершенными. Будучи в быту человеком необузданной страсти и абсолютной раскрепощённости, в минуты творчества Чурилин всегда был собран и сосредоточен. Его часто печатали в областной и центральной прессе – свыше 50 публикаций только в газетах Магнитогорска и Челябинска, а также в «толстых» литературных журналах и альманахах. Он был участником многих семинаров и совещаний по литературному творчеству.

Те, кто был знаком с Чурилиным близко, помнят одну характерную особенность: он мог, никого не предупредив, внезапно исчезнуть из поля зрения на месяц, на два, на полгода. Чтобы через какое-то время всех осчастливить своим возвращением. На него практически невозможно было серьёзно обижаться, все знали о Володиной непредсказуемости и импульсивности. Одному богу известно, сколько раз литераторы Магнитки заочно «хоронили» Чурилина и сколько самых невероятных историй о его приключениях выслушали они от «очевидцев», узнав об очередной поездке в Москву или Владивосток,

Бухару или Питер. Если собрать сейчас все устные свидетельства его походов, получилась бы солидная книга.

О литературном наследии Владимира Чурилина хочется говорить только в восторженных тонах. Не случайно на совсем ещё юного стихотворца в начале 70-х обратили внимание магнитогорские «зубры» Нина Кондратковская и Владилена Машковцев. Потом были многочисленные публикации в газетах, выступления на радио и ТВ, выход двух коллективных сборников с его участием... В общем, признание к Володе пришло ещё до службы в армии. Казалось, что впереди Чурилина ждёт безоблачное будущее...

Однако при всей творческой плодовитости и внешних благоприятных обстоятельствах он не использовал свой поэтический потенциал даже наполовину. А после смерти Чурилина большая часть его рукописей просто бесследно исчезла. Но утешает мысль, что рукописи не горят, а значит, остаётся надежда на то, что когда-нибудь и где-нибудь его архивы всё же обнаружатся. И значит, мы ещё дождёмся выхода очередной книги этого блестящего поэта.

Поэзия

«Мы с тобой – только ветки...»

✍ Владимир ЧУРИЛИН

Так уж детство моё сложилось:
Зауряден и некрасив,
Вещи, купленные на вырост,
Вслед за старшими я носил.

Денег было в семье негусто.
В коммуналке по вечерам,
Удивляя подруг искусством,
Мама ладила штопку нам.

Оставался от штопки след,
И понуро я брёл по школе,
Просвещённый, что бедных нет,
Удивлялся: «Я бедный, что ли?..»

Дни летели гурьбой с откоса,
Я к жестоким привык словам,
И казалось, не будет сноса
Этим чёртовым рукавам.

Если старые наши вещи
Перекраивать иногда,
Вещь нам будет казаться вечной,
Только в радость ли вещь тогда?

Год за годом летит... Как прежде,
Я живу, эту быль храня.
Не надену чужой одежды,
Переделанной на меня.

Два бревна, лежащих косо,
Деревенский мост
Ограждён был раньше тросом,
Нынче порван трос.

Неглубок ручей в овраге,
Да глубок овраг.
И отмерено отваги
Лишь на первый шаг.

Первый шаг, а дальше прямо...
Потемнев лицом,
Позовёт от дома мама,
Пригрозит отцом.

Узок мост – не оглянуться,
И назад – никак,
И хотя зрочки – по блюдицу –
Следующий шаг.

Новый шаг, и дальше, с рёвом...
Коль пошёл – держись.
По таким вот скользким брёвнам
Мне идти всю жизнь.

Мир широк, да узок выбор,
А решил – что ж...
Даже если волос – дыбом,
Всё равно идёшь.

Мне тридцать. Это много или мало?
Рассудит нас девятый грозный вал.
Но ты меня сегодня целовала,
И я тебя сегодня целовал.

И если уж дождался поцелуя,
Надёжно доживу и до любви.
Лукавя, богохульствуя, балуя,
Я всё же не запачкался в крови.

Опомнитесь, земляне! Я не ворог.
Я в людях не отыскивал врага.
Мне тридцать.
Я хочу, чтоб стал сорок!
Позвольте мне дожить до сорока.

Странник

Лудит, паяет, ходит по дворам,
И ни минуты нет ему покоя.
Уже давно на пенсию пора,
А он не знает, что это такое.

Он целый век без пенсии прожил,
И за свою незвонкую монету
Порой такие тачивал ножи,
Которым равных не было и нету...

Едва в окне затеплится рассвет,
Выходит он
Предвестником рассвета.
Судачат бабки, сколько ему лет,
И не находят нужного ответа.

Вот он идёт походкой молодой,
Взвалив на плечи ящичек дощатый.
Играет ветер чёрной бородой,
А борода топорщится лопатой.

Своё лицо от времени храня,
Он сквозь года пронёс её, как знамя.

Он очень долго смотрит на меня,
Перебирая бледными губами:

Он хочет знать, откуда я такой,
И, вглядываясь в призрачные лица,
Замысловато двигает рукой,
Чтоб, упаси Господь, не ошибиться.

В больнице

Переливали кровь – густые капли
Коричнево сбегали сверху вниз,
И медсестра, похожая на цаплю,
Стальной иглой нащупывала жизнь.

А за окном галдели воробьи,
А на окне качалась занавеска,
Иван мусолил мятые рубли
Меж пальцев,
не отрубленных стамеской.

Соседи говорили о любви,
О шахматах и о гемоглобине,
Какого не осталось и в помине
В моей разбаламученной крови...

Задумчиво качался тихий свет,
Давно уже никто меня не резал...
Но в изголовье звякало железом,
И доктор шприц держал,
как пистолет.

Пролог

Ночь была.
Дома стояли хмуро.
И над горкой сваленных вещей
Одиноко горбилась фигура
Человека в шляпе и плаще.

Ночь была.
Ещё был дождик редкий.
Сиротливо грудились у ног:
Чемоданчик, маленькая сетка,
Связка книг, какой-то узелок...

Ночь была.
Ещё был грохот грома,
И догадка, вставшая ребром:
Человека выгнали из дома –
И сие не кончится добром.

Ночь была.
Потом была дорога
И ночной безрадостный вокзал...
Ни людей, ни дьявола, ни Бога
Человек потом не признавал.

...А пока –
Так буднично и просто
В глубине уснувшего двора
Догорал окурок папиросы
Угольком бикфордова шнура.

Памяти Бориса Попова

Лёг белый снег
На белую горячку,
И в белый снег
лицом уткнулся друг.
И показался снег ему горячим:
Не снег,
а тополиный жаркий пух.

Как ты упал?
Наверно, было скользко.
А может, нет...
Но так устроен мир.
Вслед за тобой
ушёл Иосиф Бродский –
Подельник твой,
учитель и кумир.
И две страны,
как разные пространства,
Приемлют прах
Иосифа и твой.
И умер ты, конечно,
не от пьянства,
А оттого, что жизнь –
хоть волком вой.

Покрашенные оградки,
Расправленные венки...
Здесь холмики – словно грядки,
Разбитые на рядки.

Здесь тётка моя родная
Сказала: «Смотри, племяш.
Здесь – Гуровы.
Здесь – не знаю...
А этот вот уголок – наш».

Здесь наши с тобой предки.
Уйми городскую спесь,
Ведь мы с тобой – только ветки,
А все наши корни – здесь.

Попросит ли враг свирепо,
Протянет ли друг ладонь,
Ты вправе делиться хлебом,
Но этой земли не тронь...

В масштабах родной планеты,
В пределах чужой земли

Я буду блуждать по свету,
Порой исчезать вдали.

Но где бы я ни был после,
Я вечно пребуду тут –
На этом простом погосте,
Где нас наши предки ждут,

Где тётка в платке печальном
Стоит, словно вечный страж.
Здесь – немцы...
Там – англичане...
А этот вот уголок – наш.

Всё застыло
В доме и в саду...
Перерыто всё, перекурочено.
Слишком долго к смерти я иду,
Слишком долго,
Страшно и... настойчиво.

Забываюсь водочкой одной,
Только ей – сердечной
Да неласковой.
Загибаюсь вместе со страной,
Ублажённой бреднями да сказками.

...Всюду грязь:
И в доме, и вокруг...
В сердце угнездилась
Боль безмерная:
У меня остался только друг,
Да и тот погиб уже,
наверное.

В свой звёздный час
не отрекись от мира
и от борьбы своей не отрекись...
Жизнь будет после,
но не будет мига,
в который мы
оплачиваем жизнь.

В твой звёздный час
ты более, чем нужен –
тебя земле зовёт на рубежи.
Забудь, что был
возлюбленным и мужем,
народу своему принадлежи.

В свой звёздный час
не вскидывай ладоней,
не возгордись,
что этот час настал...
С людьми вокруг
сровняй себя в поклоне,
за то, что ты вошёл на пьедестал.